

с Ним, но и вводит читателя в пространство веры¹⁶: «Блаженны не видевшие и поверившие» (20.29).

В заключение, всё вышеизложенное мы можем отнести к самому евангелисту Иоанну. Услышав свидетельство Предтечи: «вот Агнец Божий» (1.36), он следует за Иисусом вплоть до Голгофы и у креста подтверждает подлинность слов Предтечи: «Воины, когда увидели, что Он уже умер, не перебили у Него голеней... И видевший засвидетельствовал, и истинно его свидетельство, и он знает, что истинное говорит, чтобы и вы верили. Ибо произошло это, да исполнится Писание: Кость Его да не сокрушится» (Ин. 19.33–36).

Сам апостол выступает в своём Евангелии как свидетель. Большое количество подробностей убеждают нас, что оно было написано очевидцем описываемых событий, принадлежавшим к ближайшему окружению Господа Иисуса Христа.

Сам Иисус неоднократно указывает, что говорит лишь то, что видел, и от Себя не добавляет ничего. Этим правилом руководствуется и Его «возлюбленный ученик»: «...что мы слышали, что видели своими глазами, что мы созерцали и что руки наши осязали» (1 Ин. 1.1). Его Евангелие становится «протоколом» его свидетельских показаний. Он присутствовал при всех событиях, о которых написал. Поэтому мы всегда точно знаем, где и когда они произошли.

Мы уже обсудили двойное назначение свидетельств: они предназначены как для враждебного Христу мира, так и для тех, кто готов верить. Быть может, поэтому четвёртое Евангелие имеет два окончания. В первом автор сообщает, что видел свою цель в том, чтобы его читатели поверили ему: «Об этих же написано, чтобы вы веровали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и чтобы, веруя, имели жизнь во имя Его (Ин 20.31). А во втором отстаивает подлинность своего повествования: «Он и есть тот ученик, который свидетельствует об этом и написал это, и мы знаем, что истинно его свидетельство» (21.24).

*Тихомиров Б.А.
(СПбДА и С)*

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД БИБЛИИ: ПОЗИЦИЯ СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ

Первым русским переводом Священного Писания стал перевод, осуществлявшийся в 1816–1826 годах под эгидой Российского библейского общества (РБО). Это был официальный проект, инициированный самим Государем Александром Павловичем. В его осуществлении активное участие приняли как церковные, так и светские лица. Его история знала свои и светлые, и трагические периоды и события. Попытка еще раз оценить некоторые из них и составляет предмет данного доклада¹.

¹⁶ Аналогично самаряне не только соглашались с тем, что женщина признала в Иисусе Мессию, но и исповедуют свою веру в Него: «Уже не по твоим рассказам веруем; ибо мы сами услышали и знаем, что Он есть воистину Спаситель мира» (4.42).

¹ Основным исследованием по истории русского перевода Библии в XIX столетии до настоящего времени продолжает оставаться книга профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. А. Чистовича «История перевода Библии на русский язык» (СПб., 1873, 1899. Репринт-

Полуофициальная попытка обсуждения вопроса о русском переводе Библии на самом высоком государственном и церковном уровнях впервые была предпринята еще в 1803 году обер-прокурором А.А. Яковлевым. Уже она продемонстрировала его определенную конъюнктурность. Вот как эта попытка изложена в одном историческом экскурсе: «Яковлев представлял и о напечатании Свящ. Писания на русском, понятном для всех языке. *Ему принадлежит первая мысль о том*, отвергнутая единственно вследствие недоброжелательства к нему синодальных членов и осуществившаяся через несколько лет после него. Приводим об этом дословный рассказ Яковлева из его „Записок“: „Сия мысль (о новом издании “Духовного Регламента“ на русском языке) подала мне другую, еще важнейшую — напечатать по-русски всю Библию также гражданскими буквами. Советовался я о том с некоторыми первейшими особами, которые не только намерение мое апробировали, но и просили убедительно скорее привести в исполнение. Докладывал я о том и Государю, и он изволил отозваться, что если Синод не найдет со своей стороны в том противного, то и он не изволит воспрепятствовать. Но когда я стал о том сноситься с митрополитом [Амвросием (Подобедовым)], то он ни под каким видом на сие не согласился, не найдя однакоже другого опровержения против моих доводов, единственно клонящихся к пользе и просвещению народному, как только *что самое то мистическое состояние Библии (то есть непонятность ее языка), против которого я предпринимал, есть необходимейшее для народа, который, говорил он, под видом Откровения, непременно нужно содержать в ослеплении, чем он явно отвращал святую истину сего Богом вдохновенного Свящ. Писания.* Таким образом, сие мое полезное намерение оставалось втуне, но время оправдало мою мысль, только честь пала не на Россию, а на Англию“. <...> [Впоследствии] тот же самый Амвросий стал горячо действовать в пользу перевода Свящ. Писания на русский язык»². Впрочем, возможно, неудачу Яковлева нужно искать не только в той конфронтации, которую практически все начинания этого обер-прокурора вызывали в Святейшем Синоде, но и в новизне вопроса.

Определяющей в положительном решении вопроса о русском переводе Библии стала воля правящего монарха. Внимательное отношение и заинтересованность Александра I в русском переводе, во-первых, следуют из его личного «библейского обращения», связанного с событиями наполеоновских войн — чтение Библии стало для него частью неизменного поиска высшего предназначения своего царствования³. Им нужно объяснять и его благосклонность, сначала, к открытию в 1812 го-

ное переиздание Российского библейского общества — М., 1997). По преимуществу это историографический труд, довольно полное собрание связанных с переводом документов. В этом, безусловно, его сильная сторона, однако часто подбор документального материала подменяет собственные выводы автора. Последующие исследователи в значительной степени следуют представленным и скомпонованным в работе Чистовича материалам. История русского перевода также описывается в следующих трудах: *Астафьев Н.* Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами. СПб., 1892; *Корсунский И.* О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык: историко-критическое исследование // Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения (1782–1882) Филарета, митрополита Московского. Т. II. М., 1883; *Его же.* Филарет, митрополит Московский, в его отношениях и деятельности по вопросу о переводе Библии на русский язык. М., 1886 (монография представляет собой краткую редакцию работы, опубликованной в Юбилейном сборнике); *Рижский М.И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

² *П.М.* Из прошлого // Русский Вестник. М., 1868. Т. 74. С. 474–475.

³ См. рассказы кн. А.Н. Голицына: Из записок Ю.Н. Бартнева // Русский Архив. 1886. Кн. 2. Чистович отмечает: «Он [Государь] считал делом особого милосердия Божия, что получил

ду, а впоследствии к активной деятельности в России Библейского общества. Кроме того, библейская просвещенность укладывалась в общую концепцию просвещения народа как одного из предполагаемых Александром путей к широкому реформированию России. Не могли не вызвать вопроса о русском переводе и успешные начинания РБО по переводу Свящ. Писания на языки населявших Российскую империю народов. Здесь складывалась парадоксальная ситуация: при очевидной недоступности Свящ. Писания для большинства православного населения *Российское библейское общество*, членами которого в большинстве состояли православные, от Императора и высших сановников государства до ведущих иерархов Церкви, занималось переводом, изданием и распространением Свящ. Писания прежде всего среди иностранных подданных и национальных меньшинств.

Вопрос о необходимости русского перевода Библии был поднят Императором следующим порядком. В конце 1815 года после триумфального возвращения в Россию Александра I ознакомили с обширной издательской деятельностью общества. Тогда «по собственному движению сердца» он «изустно повелел президенту Российского библейского общества предложить Святейшему Синоду искреннее и точное желание Его Величества доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, *яко вразумительнейшем для них славянского наречия*, на коем книги Свящ. Писания у нас издаются»⁴. 28 февраля 1816 года кн. А. Н. Голицын, как обер-прокурор Св. Синода, докладывал на Синоде волю Государя Императора. В Высочайшем Волеизъявлении, в частности, подчеркивалось: «Его Императорское Величество, как *внутренним Божественным достоинством* Свящ. Писания, так и *самыми опытами* убеждаясь в том, сколь полезно чтение оно-го людям всякого звания, *для преуспевания в благочестии и благонравии*, на коих зиждется *истинное благо людей и народов*; и по сему обращая внимание на действия Российского библейского общества, *с прискорбием усматривает*, что многие из россиян, по свойству полученного ими воспитания, быв удалены от знания древнего славянского наречия, *не без крайнего затруднения могут употреблять издаваемые для них на сем единственно наречии* священные книги, так что некоторые в сем случае прибегают к пособию *иностранных переводов*, а большая часть и *сего иметь не может*. <...> Его Императорское Величество находит... чтоб и для российского народа, под смотрением духовных лиц, сделано было переложение *Нового Завета* [таким образом в официальном постановлении речь шла только о новозаветной части Библии] *с древнего славянского на новое российское наречие*, каковое переложение и может быть издано для желающих от Российского библейского общества вместе с древним славянским текстом, подобно как издано с дозволения Св. Синода Послание к Римлянам⁵ на славянском и российском наречии совокупно. Само собой разумеет-

склонность и привычку к чтению Библии. Каждый день, каковы бы ни были его занятия, он читал три главы: одну из Пророков, одну из Евангелий и одну из Посланий апостольских. По его собственным словам, даже во время войны, даже при громе пушечных выстрелов, он не оставлял своего обычного чтения. В Слове Божиим он видел основу и опору веры, а в вере единственный закон, с которым должны сообразоваться в своей жизни люди и народы.» — *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия: Комиссия Духовных Училищ. СПб., 1894. С. 167. Сам Александр регулярно читал Библию во французском переводе.

⁴ *Чистович И.* История перевода Библии... С. 25.

⁵ Речь идет о толковании Послания к Римлянам архиеп. Мефодия (Смирнова), где параллельно славянскому была представлена русская версия Послания. См.: *Мефодий (Смирнов), архиеп.* К Римлянском послание св. ап. Павла с истолкованием. СПб., 1794.

ся, что *церковное употребление славянского текста долженствует остаться неприкосновенным*»⁶. Св. Синод принял предложение Государя к исполнению, поручив организацию перевода Комиссии духовных училищ. РБО осуществляло издание. Так началась история русского перевода Библии.

Очевидно угадываются основные, «теневые» участники принятия Императором данного решения. Это его доверенный по всем религиозным вопросам князь А.Н. Голицын, глава Министерства духовных дел и народного просвещения, и ректор Санкт-Петербургской духовной академии архим. Филарет (Дроздов), в будущем знаменитый Московский святитель. Многие говорят о самой активной роли свт. Филарета в этом деле. Именно по его настоянию еще в 1814 году РБО взяло на себя издание славянской Библии, им был составлен и текст Указа Императора⁷. Ему принадлежала и концепция перевода Нового Завета, представленная в определении Комиссии духовных училищ от 16 марта 1816 года⁸. Все эти данные подводят к мысли, что от свт. Филарета исходила и сама идея перевода.

Работу организовали следующим порядком. В структуре РБО был образован особый Переводной комитет. В состав Переводного комитета, редактировавшего перевод Нового Завета, вошли: митр. Новгородский и Санкт-Петербургский Михаил (Десницкий), архиеп. Тверской Серафим (Глаголевский), архим. Филарет (Дроздов), секретарь РБО В.М. Попов, один из директоров РБО, вице-президент Императорской академии художеств А.Ф. Лабзин. Необходимо отметить, что все указанные духовные лица входили также в состав Св. Синода (Филарет — с 1819 года, после назначения правящим архиереем Тверской епархии) и Комиссию духовных училищ. Таким образом, сразу устанавливалось тесное сотрудничество РБО и Св. Синода, которое представляется принципиальным, поскольку проект русского перевода Свящ. Писания был предпринят прежде всего для удовлетворения нужд православных подданных. Ответственным за исполнение проектов перевода был назначен свт. Филарет. Комитет, действительно, был рабочий: здесь переводы проверялись, обсуждались и редактировались. При этом конечный вариант перевода рассматривался участниками издания как результат коллективной деятельности Переводного комитета. Об интенсивности редакторской работы комитета позволяет судить высказывание свт. Филарета: «написал было я строку, хотел сказать, что я сподоблен был сделать первый опыт перевода Евангелия от Иоанна на русское наречие: но сей опыт был потом в столь многих руках, что было бы хищением, если бы кто по сему захотел приписать мне сей перевод напечатанный, и потому лучше и справедливее молчать о сем»⁹. Самую активную роль в работе комитета играл прот. Г. П. Павский, ставший фактически главным редактором всех выполняемых переводов.

Когда был осуществлен перевод Нового Завета, его издания предваряли два предисловия: 1) «Возглашение к христоролюбивым читателям», к Четвероевангелию 1819 года, повторяемое затем во всех изданиях новозаветных текстов, подписанное Михаилом (Десницким), митр. Новгородским и Санкт-Петербургским, Серафимом (Глаголевским), митр. Московским и Коломенским, и Филаретом (Дроздовым), архиеп. Тверским и Кашинским; 2) отдельное прибавление «К христоролюбивым читателям. По случаю издания всего Нового Завета на одном Русском наречии» к изданию Нового Завета 1823 года за подписями Серафима (Глаголевского),

⁶ Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 57–58.

⁷ См.: Корсунский И. О подвигах Филарета, митрополита Московского... С. 231.

⁸ См.: Там же. С. 236; 445–446.

⁹ Цит. по: Там же. С. 504–505.

митр. Новгородского и Санкт-Петербургского, Филарета (Дроздова), архиеп. Московского и Коломенского, и Ионны (Павинского), архиеп. Тверского и Кашинского. Оба предисловия были составлены свт. Филаретом. В первом аргументировалось само начинание русского перевода как отвечающее древней христианской практике. Указывалось, что перевод Свящ. Писания освящает тот язык, на который он делается, что произошло со славянским. Необходимость русского перевода обосновывалась «таким удалением» обиходного языка от славянского, что славянский сделался «мало понятным». Отмечалось, что требуется «от времени до времени возобновлять перевод, сообразно с состоянием сего языка в его народном употреблении». Предисловие включало текст Волеизъявления Императора, зачитанный Св. Синоду кн. Голицыным и высочайше санкционировавший русский перевод. Более краткое второе предисловие по сути дополняло первое. Оно, в частности, отвечало на вопросы о расхождении версий славянского и русского переводов, подчеркивая, что издатели «с возможной точностью держались подлинника греческого по древнейшим и вернейшим его спискам, из которых святые Отцы выписывали Евангельские и Апостольские слова в свои сочинения». Всего в рамках проекта РБО было осуществлено 22 различных издания Нового Завета, общим тиражом более 100 тысяч экземпляров¹⁰.

Изданный в 1822 году русский перевод Псалтири предварялся обращением «К христоролюбивым читателям», составленным свт. Филаретом и подписанным тремя архиереями: Серафимом (Глаголевским), митр. Новгородским и Санкт-Петербургским, Филаретом (Дроздовым), архиеп. Московским, Симеоном (Смирновым), архиеп. Ярославским, являвшимися членами Св. Синода и Переводного комитета. В предисловии в осторожной и взвешенной форме оговаривались особенности еврейского и греческого текстов Псалтири, мотивировалось предпочтение, отданное издателями еврейскому тексту: «Не трудно всякому рассудить, справедливо ли поступлено, что в составлении перевода обращено было внимание на подлинник. В тех местах, где в еврейском подлиннике встречались слова, более или менее отличные своим значением от слов греческого перевода, и где слова еврейские в сравнении с греческими представляли более ясности и более взаимного согласия в целом составе речи, переводчики, без сомнения, обязаны были с особенною точностию держаться слов еврейских». Предисловие повторялось во всех тиражах Псалтири. Публиковался только русский текст, поскольку параллельное издание в данном случае продемонстрировало бы разительные отличия славянского и русского переводов. Публикация имела очевидный успех. За два года (1822–1824) было осуществлено 13 изданий Псалтири в Санкт-Петербурге, тиражом более 115 000 экз., два издания в Москве по 5 тыс. экз.¹¹ Псалтирь стала первой в рамках проекта РБО переведенной книгой Ветхого Завета и единственной поступившей в продажу.

Издания первых переводов РБО были встречены практически всеобщим энтузиазмом, успех был безоговорочный. Известны самые благожелательные отклики многих правящих архиереев Православной Церкви на его появление. Их подборка повторяется в основных исследованиях¹². Так, еп. Псковский Евгений (Болховитинов) писал в связи с изданием Четвероевангелия: «Польза от сего издания — не только простолюдинам, но и самому духовенству, наставляющему их, очевидна и

¹⁰ Сводный каталог русской книги. 1801–1825. Т. 1. М., 2000. С. 131–136.

¹¹ Там же. С. 129–131.

¹² Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 185–186; Чистович И. История перевода Библии... С. 30–31; Корсунский И. О подвигах Филарета, митрополита Московского... С. 243–245.

несомнительна. Давнее уже и нетерпеливое всех ожидание онаго ручается в успехе еще большего распространения Слова Божия в сердцах верующих»¹³. Очень проникновенно глубинную суть как самого Свящ. Писания, так и его нового перевода передает высказывание архиеп. Минского Анатолия (Максимовича): «Сколь не сближен славянский язык с российским в церковных книгах наших, но многое для многих оставалось непонятным даже и в Евангелии по непривычке к славянским изречениям: и от того святая истина не могла действовать на сердца читателей в полной своей силе. Ныне и сие препятствие разрушено. *Да кажется язык живой и приличнее Слову Жизни. Слыша сие слово на языке нашем, тем паче можем убедиться, что Бог говорит к нам.* Да будет сей новый плод трудов Библейского общества знаменем новой благодати и силы Божией во спасение Росссов»¹⁴. Начало переводческой работы не доносит ни одного отзыва со стороны духовенства, содержавшего неприятие перевода как такового.

При внимательном рассмотрении не выдерживает критики ставшее расхожим мнение о изначальном несогласии Св. Синода с делом русского перевода, основанное на несколько странном высказывании Чистовича. Он пишет: «Таким образом [речь идет о поручении Синода организовать дело перевода Комиссии духовных училищ] *Святейший Синод отклонил от себя одобрение русского перевода к печатанию и изданию его.* Последующие подписи духовных особ под предисловиями были подписями только тех епископов, которые были членами (вице-президентами) комитета Российского библейского общества»¹⁵. Оба предложения, как характеризующие ситуацию с переводом, правда в примечании, приводятся Корсунским¹⁶. Несколько искаженная цитация Чистовича позволяет М.И. Рижскому прямо утверждать скрытую оппозицию Св. Синода воле Государя, завуалированный отказ высшей церковной власти от непосредственного участия в деле русского перевода¹⁷. Однако кроме туманности самого высказывания Чистовича, получается согласие на перевод, но неодобрение его издания (?), подобная трактовка принятого Синодом решения вызывает по меньшей мере недоумение. Во-первых, решение Св. Синода полностью отвечало предложениям доклада Голицына, оставлявшим РБО и издание, и распространение перевода. Другого и быть не могло, поскольку все программы по изданию Библий в России, включая славянскую, к этому времени осуществляло только Общество. Поручение Комиссии духовных училищ выполнить перевод являлось конкретным организационным решением и означало фактическое участие в нем Церкви, поскольку подразумевало, что переводческая работа будет исполнена церковными учебными заведениями. (Если не предполагать, что Синод дистанцировался и от собственных духовных школ.) Во-вторых, не выдерживает критики и категорическое отнесение Чистовичем подписей духовных лиц, стоявших под предисловиями к изданиям переводов, только к их статусу членов РБО. Все подписи — это подписи действительных членов Св. Синода, во главе с первенствующими митр. Михаилом и митр. Серафимом, а смена имен соответ-

¹³ Чистович И. История перевода Библии... С. 30.

¹⁴ Там же. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 26, 28.

¹⁶ См.: Корсунский И. О подвигах Филарета, митрополита Московского... С. 232.

¹⁷ «Синод, — указывает И.А. Чистович, — „отклонил от себя *даже* одобрение русского перевода к печатанию и изданию, предложив все обязанности, связанные с новым изданием, возложить на Комиссию духовных училищ и Библейское общество и таким образом, *по существу, снял с себя всякую ответственность*“» (Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978. С. 131–132).

вует изменениям в составе Синода в эти годы¹⁸. Поэтому, если уж и проводить различие статусов в подписях данных духовных персон (?), их нужно рассматривать *прежде всего* в качестве подписей синодальных членов и, соответственно, как отражение участия Св. Синода в деле перевода. Собственно, в посвящениях, предва- ривших все издания русского перевода новозаветных текстов, прямо значилось: «*по Благословению Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода*». Благосло- вение Св. Синода стояло также в «Возглашении к христоролюбивым читателям». Та- ким образом, выводы о несогласии Св. Синода с переводом, основанные на подоб- ной аргументации, выглядят более чем произвольными. Наоборот, свидетельства официальных документов демонстрируют, что русский перевод Библии был пред- принят с полного одобрения и санкции высшей церковной власти. Все попытки с иных позиций трактовать волеизъявление Синода будут в данном случае оставать- ся на уровне досужих домыслов. Впрочем, Чистович и сам далее озвучивает мнение митр. Филарета (Дроздова) о изначальной церковности осуществляемого под эги- дой РБО перевода: «В опровержение мнения, будто мысль о переводе Свящ. Писа- ния на русское наречие принята первоначально не в Святейшем Синоде, а в канце- лярии обер-прокурора, высокопреосвященный говорит, что русский перевод Но- вого Завета *был одобрен первенствующими членами Святейшего Синода: Амвросием, Михаилом и Серафимом, и издаваем был по благословению Святейшего Синода*»¹⁹. Собственно, это и есть официальная позиция высшей церковной власти в отноше- нии проекта РБО.

Кажется, единственным сомнением в целесообразности русского перевода, до- шедшим от начального этапа его осуществления, остается *частное впечатление* гра- фа М. М. Сперанского от прочтения перевода, высказанное им в письме к дочери. Сперанский пишет: «...сегодня, во время обыкновенного моего утреннего чтения, вместо греческого моего Завета, мне вздумалось читать Евангелие в новом русском переводе. Какая разность, какая слабость в сравнении с славенским! Может быть, и тут действует привычка, но мне кажется все не так, и не на своем месте, и хотя вну- тренне я убежден, что это все одно и то же; но нет ни той силы, ни того услаждения. Вообще, я никогда не смел бы одобрить сего уновления; знаю, что оно сделано с на- илучшими намерениями; может быть, для тех, кои не привыкли к славенскому язы- ку, это услуга. Но для чего бы, кажется, не оставить их привыкнуть? Это стоит тру- да. Никогда русский простонародный язык не сравнится с славенским ни точнос- тию, ни выразительностью форм, совершенно греческих. <...> Читай, продолжай читать Евангелие и весь вообще Новый Завет на славенском, а не на русском язы- ке. <...> Язык славенский в последнее время много потерпел от того, что вздумал защищать его человек добрый, но писатель весьма посредственный [Шишков]. *Для чего Карамзин, Уваров, Жуковский не приняли за сие дело?..*»²⁰ Возражение Сперан- ского можно охарактеризовать как «психо-эстетическое» неприятие нового в при- вычном тексте. Для тех, кто был воспитан на славянской Библии и у кого она была «настойной книгой» (надо заметить, что определить этот круг и, что важно, его со- циальный состав весьма непросто, но скорее всего это во всех отношениях был «уз-

¹⁸ Из высшего духовенства, входившего тогда в Синод, нет подписи только митр. Варлаама, бывшего экзарха Грузии, кстати вице-президента РБО, плохо понимавшего по-русски. Его членство как в Синоде, так и в РБО было лишь номинальным. Не расписывался также и перио- дически вызываемый на заседания Синода «присутствующий» член.

¹⁹ Чистович И. История перевода Библии... С. 289.

²⁰ Письмо 16 от 30 сент. 1819 г. // Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М., 1869. С. 42–44.

кий круг»), русский перевод ощущался как утрата привычного славянского текста — ситуация вполне типичная, которую можно рассматривать целиком в контексте психологии восприятия. (Сегодня, с появлением новых русских переводов, она повторяется при их вольном или невольном сравнении с Синодальным.) Впрочем, упоминание в письме имен выдающихся мастеров русской словесности, придерживавшихся в вопросе о природе русского языка существенно иных, нежели Шишков, взглядов, позволяет предположить, что Сперанский здесь, примиряясь с самим фактом русского перевода, ставит требование к качеству русского языка библейского перевода. Он остро ощущает нужду перевода в руке искусного литератора. (В 1916 году в связи со столетним юбилеем русского перевода известный отечественный славист и библеист И.Е. Евсеев, отмечая необходимость осуществления нового русского перевода всего лишь через 40 лет после опубликования Синодального и высказывая требования к его качеству, отмечал: «Для надлежащего достоинства русского национального перевода Библии нужны творцы, художники слова, а не только усердные служители»²¹.)

В судьбах и Российского библейского общества, и русского перевода Библии 1824 год явился отчетливым временным водоразделом, знаменовавшим окончание фазы успешной деятельности. 15 мая 1824 года неизменный энтузиаст библейского дела и проводник интересов общества кн. А. Н. Голицын был вынужден оставить пост президента РБО. Место Голицына занял первенствующий тогда член Св. Синода митр. Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский). Все действия митрополита с этого времени были направлены на развал библейского движения и прекращение проекта русского перевода Библии. Необходимо отметить, что сам Александр I, несмотря на неоднократные петиции, решительно противился закрытию РБО, которое считал своим детищем. Номинально Российское библейское общество просуществовало еще до 12 апреля 1826 года, когда оно было закрыто на основании наложенного на соответствующее совместное представление его президента и Киевского митр. Евгения (Болховитинова) Высочайшего рескрипта уже нового императора Николая Павловича. Свернутыми оказались все переводческие программы РБО.

Причины отставки Голицына и закрытия РБО достаточно подробно рассмотрены в историческом исследовании Пыпина. Это и интрига графа А. А. Аракчеева, и *не*библейские, мистические увлечения многих ведущих членов общества... Русский перевод фактически оказался заложником данной ситуации с РБО...

Если инициатором действий по удалению Голицына с ведущих государственных и общественных должностей нужно признать Аракчеева, то в последующей истории закрытия РБО и прекращения русского перевода ведущая роль, бесспорно, принадлежала адмиралу А. С. Шишкову, занявшему кресло Голицына в Министерстве народного просвещения. Флотоводец развернул против Российского библейского общества и русского перевода Библии настоящую военную кампанию. Его и необходимо признать главным «локомотивом» и идеологом «антирусской» кампании. Лидерство Шихкова, при марионеточном характере роли митр. Серафима, в действиях против РБО и русского перевода убедительно демонстрируют воспоминания адмирала: «Того же числа [3 ноября 1824 года], в 6 часов пополудни, отправились мы [Шишков с Аракчеевым] к митрополиту [Серафиму]. Я начал говорить, что хотя никаких гласных повелений о прекращении Библейских обществ не дано, однако ж с самой перемены Министерства просвещения намерение склонилось

²¹ *Евсеев И.Е.*, проф. Столетняя годовщина русского перевода Библии. Пг., 1916. С. 42.

уже к тому, чтоб нигде о них не упоминать. Каким же образом здесь в Петербурге, под его [митр. Серафима] начальством, продолжают издавать об них известия и превозносить их похвалами, тогда как в цели и распространении оных открывается явный вред? Митрополит отвечал, что как за этот год собраны уже подписки на сей журнал, то он велел продолжить его до истечения года, а с будущего января оный прекратится. На сие возразил я: где идет дело о вреде, наносимом вере и нравственности, и который и так уже сильно распространился, можно ли там попускать еще более распространяться и утверждаться оному для сбора некоторого числа денег? Сверх того, с переменою Министерства все благомыслящие люди ожидали и перемены направления умов от прежней худой в хорошую сторону. <...> После сего суждение обращено было на „Краткий Катихизис“, Архиереем Филаретом написанный и Синодом утвержденный. Митрополит защищал в нем перевод молитв, и вообще все переводы Свящ. Писания с Славенского (как все, не знающие языка своего, журналисты говорят) на Русский язык, утверждая, что многие Славенского языка не понимают. Тут не мог я сохранить своего хладнокровия. <...> Напоследок, *по долгом прении, общее заключение было такое*, что Библейские Общества должно прекратить, перевод Священных Писаний *на простое наречие* не выпускать и „Краткий Катихизис“ *остановить*²². Это свидетельство наглядно показывает, *как и кем* решалась судьба Библейского общества. Неожиданное для себя назначение на пост министра Шишков, похоже, воспринял как призыв стать спасителем Отечества от заговора революционеров, неизменной частью которого для него была деятельность РБО, воспринимаемая им не иначе, как подрыв православной веры и, соответственно, устоев государственного строя. Несгибаемое упорство старого воина (в 1824 году адмиралу было 70 лет) оказалось решающим в этом деле. Шишков развернул столь бурную деятельность, что даже Аракчееву пришлось теперь действовать согласно с его взглядами.

После событий 1824 года русский перевод Свящ. Писания стал настоящим «камнем преткновения и камнем соблазна». С началом «новых» настроений не замедлила последовать не менее солидарная обратная реакция и в отношении к переводу. Диаметрально поменяли свой взгляд на перевод и многие церковные иерархи. Как разительную можно констатировать смену позиции митр. Серафимом, чья подпись стоит под предисловиями ко всем изданиям русского перевода. Его ближайшим соратником по выполнению планов закрытия РБО и прекращения русского перевода стал Киевский митр. Евгений (Болховитинов), благожелательный отзыв которого о переводе 1819 года приведен выше. Противники перевода стали связывать с ним целый ряд негативных явлений религиозной и общественной жизни. В вину русскому переводу вменяли появление некоторых новых сект. Военное ведомство утверждало, что среди солдат участились случаи самооскопления. Впоследствии широкий резонанс имел случай помешательства двух кадетов в одном военном училище, который военное ведомство представило как результат чтения Нового Завета в русском переводе. Проведенное расследование, однако, определенно установило, что к Новому Завету кадеты даже не прикасались, а причины их умственного заболевания носили бытовой и служебный характер²³. В 1824–1825 годах аргументация против русского перевода в значительной степени совпадала с аргументацией против самого общества. Деятельность РБО по русскому переводу и изда-

²² Записки адмирала А.С. Шишкова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1868. Кн. 3. С. 49–50.

²³ Корсунский И. Филарет, митрополит Московский... С. 75.

нию Свящ. Писания стала прямо представляться важнейшей частью протестантского заговора против Православной Церкви²⁴. Шишков подкреплял этот тезис тем, что таким образом «уничтожался тот язык, на котором в церквах производится служба и читается Евангелие»²⁵. Ректор СПбДА еп. Григорий (Постников) в письме к свт. Филарету (Дроздову) от 13 июня 1824 года писал: «О Библейском Обществе говорят, что оно учреждено для того, чтобы ввести реформацию. Что вы ни скажете в опровержение, вам представят в доказательство список с какого-нибудь английского или немецкого или французского листка какого-нибудь писателя, который говорит, что самый надежный способ распространить реформацию есть раздача Библии...»²⁶. Шишков настойчиво выступал против «монополизации» изданий Библии Обществом, требуя вернуть ее Синоду²⁷. И хотя и в решительных заявлениях Шишкова, и во вторящем ему «торжествующем» восклицании митр. Серафима (в связи с отставкой кн. Голицына) о том, что «Библию станем печатать опять только в Синоде»²⁸, очевидно звучит ревность об ущемленных правах правящего органа Православной Церкви, вряд ли их нужно связывать с действительной заботой о библейском деле. В свое время взятие Библейским обществом на себя изданий славянской Библии не только не вызвало возражений со стороны Св. Синода, но скорее было воспринято как освобождение от обременительной обязанности²⁹. Это требование можно понимать как направленное прежде всего против русского перевода, прекратить печатание которого Шишков намеревался путем ведомственной смены издательства...

Шишков определил и *идейную позицию* неприятия русского перевода как такового. Она прозвучала в связи с его теоретизированием по поводу славянского языка и языкознания. Еще до появления в Санкт-Петербурге эмиссаров Британского библейского общества, тем более каких-либо решений о русском переводе Библии, в 1810 году, на годовом собрании Российской академии наук Шишков выступил с торжественной речью, где высказал тезисы о едином славяно-русском языке и его уникальности в качестве языка Свящ. Писания. Второе издание этой речи в 1825 году, как раз в самый разгар противостояния с Обществом и борьбы с русским переводом, нужно рассматривать уже программным заявлением нового министра народного просвещения в отношении русского перевода Библии. Более рельефно теоретические и идеологические взгляды по этим вопросам представлены в его записках этого периода. Прежде всего Шишков не признавал существование русского языка как самостоятельного и отдельного от славянского: «Язык у нас Славенский и Русский один и тот же. Он различается только (больше, нежели всякий другой язык) на высокий и простой. Высоким написаны Священные книги, простым мы говорим между собой и пишем светские сочинения, комедии, романы и проч. Но сие различие так велико, что слова, имеющие одно и то же значение, приличны в

²⁴ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 260; 279; Чистович И. История перевода Библии... С. 54.

²⁵ Записки адмирала А.С. Шишкова. С. 23.

²⁶ Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 г.). СПб., 1900. С. 38–39.

²⁷ Записки адмирала А.С. Шишкова. С. 15, 78.

²⁸ Чистович И. История перевода Библии... С. 52.

²⁹ В этом отношении более чем выразительным представляется следующее сравнение. Так, за 10 лет, с 1814 по 1824 г., Обществом было осуществлено 15 изданий полной славянской Библии общим тиражом 118 тыс. экземпляров, тираж отдельных изданий славянского Нового Завета составил 140 тыс. экземпляров. (См.: Астафьев Н. Указ. соч. С. 159.) После закрытия РБО первое издание славянской Библии было осуществлено только в 1839 г. (!), последующее — в 1855 г.

одном и неприличны в другом случае»³⁰. В развитие этой языковой дилеммы славянский и русский разделялись им как «высокий язык, сделавшийся для нас священным», и «простонародный», «язык Церкви» и «язык театра»³¹, «язык веры» и «язык страстей»³². Действительно, для Руси славянский как литературный язык изначально сформировался именно на Свящ. Писании. Эта данность послужила для Шишкова основанием постулировать существование неразрывной, органической связи между славянским языком и Библией. Более того, славянский язык по своим выразительным свойствам, согласно Шишкову, идеально приспособлен для передачи богооткровенных истин Библии, причем столь совершенными возможностями не обладает ни один современный европейский язык: «Мы показали отчасти богатство мыслей, заключающихся в словах наших; видели *превосходство их перед словами других языков*. Из сего краткого показания можем посудить, какая разность в высоте и силе языка долженствует существовать между Свящ. Писанием на Славенском и других языках: в тех сохранена одна мысль; в нашем мысль сия одета великолепием и важностию слов»³³. Славянская Библия уникальна не только среди других переводов Свящ. Писания, но предпочтительнее даже его оригинальных текстов, поскольку «еврейский сегодня никто не знает»³⁴.

Подобные представления о исключительности славянского языка, утверждение его сакрального характера делали для Шишкова перевод Библии на русский язык недопустимой профанацией Свящ. Писания, от которой, по его мнению, оставался один шаг и до покушения на незыблемые устои государственного и общественного строя: «В прежних письмах моих имел я честь объяснить Вашему Сиятельству [Шишков обращается к Аракчееву] о продолжающихся и ныне покушениях и стараниях продолжать собрания Библейских Обществ и распространять не переводы, а, так сказать, перекладку Свящ. Писаний с высокого и важного языка на простонародное наречие: два сильнейшие орудия революционных замыслов»; «Переводы Свящ. Писания с высокого языка (называемого Славенским) на простой, в общезжитии употребляемый язык (называемый Русским), под предлогом лучшего разумения церковных книг придуманы для уменьшения их важности и поколебания Веры»; «Чтение Свящ. книг состоит в том, чтобы истребить Правоверие, возмутить отечество и произвести в нем междоусобия и бунты. <...> Переводы Свящ. Писаний на простое наречие и распространение их в неимоверном количестве экземпляров есть также одно из средств, придуманное в Библейских Обществах к поколебанию Веры»³⁵. Перевод Свящ. Писания непременно, согласно Шишкову, должен привести и к переходу церковного богослужения на русский язык, о чем нельзя и «подумать без ужаса»: «Подобная мысль [славянский язык перестал быть понятным] поведет нас к заключениям, что и всю церковную службу должно переложить на простонародный язык»³⁶.

Такая позиция решительно отрицала саму возможность перевода как такового и в конечном итоге вела к той же тупиковой ситуации, в которой в свое время ока-

³⁰ Записки адмирала А.С. Шишкова. С. 58.

³¹ Там же. С. 23; 60.

³² *Шишков А. С.* Рассуждение о красноречии Священного Писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно. СПб., 1825. С. 83.

³³ Там же. С. 18–19.

³⁴ Записки адмирала А.С. Шишкова. С. 59.

³⁵ Там же. С. 47; 56–57; 65.

³⁶ Там же. С. 58.

залась Католическая Церковь в связи с запретами использовать какой-либо другой библейский текст, помимо латинской Вульгаты, и читать Свящ. Писание мирянам. В пафосе своего неприятия русского перевода и в борьбе за чистоту веры Шишков, по существу, договаривался и до прямого запрета на чтение Слова Божьего: «В напечатании столько Библий, чтобы каждый в Государстве человек мог ее иметь (так сказано в Отчетах). Что ж из этого последует? Употребится страшный капитал на то, чтоб Евангелие, выносимое с такой торжественностью, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось под лавками, служило оберткою каких-нибудь домашних вещей и не действовало более ни над умами, ни над сердцами человеческими»³⁷. Так отвергался основной тезис Библейских обществ о том, что Слово Божие для каждого верующего должно быть доступно на понятном, родном языке.

В своем же логическом развитии взгляды Шишкова неумолимо вели к утверждению приоритета языка над смыслом текста. В ситуации славянской Библии, когда язык утратил свою коммуникативную функцию, это фактически должно было означать предпочтение славянского языка Слову Божьему. По существу, язык становился священнее Священного Писания, что сводило, например, предназначение литургического чтения разве к некому сакральному звучанию. (Казалось бы, нет никакой необходимости доводить тезисы Шишкова до подобных выводов, абсурдность которых очевидна, однако, что поразительно, и такому, по определению, «бесмысленному» восприятию могла усваиваться своя значимость, порой вполне серьезно фигурирующая в качестве аргумента против русского перевода³⁸.)

Роль Шишкова в истории русского перевода не ограничилась теоретическими возражениями. Его настойчивостью перевод был свернут организационно. По всей видимости, не без его инициативы произошло и позорное сожжение тиража первого тома русской Библии. За это говорит весь характер его участия в истории с переводом. И хотя о подробностях данного прискорбного события не сохранилось прямых документальных свидетельств³⁹, имя Шишкова вполне отчетливо слышится за словами свт. Филарета по этому поводу: «...дело произведено не по зрелому рассмотрению духовного начальства, а по случайному возбуждению кого-нибудь из тех, на которых владыка Киевский указывал в 1825 году [Филарет (Амфитеатров), тогда еще епископ Калужский], как на людей, не призванных ни Богом, ни начальством»⁴⁰.

³⁷ Там же. С. 72.

³⁸ Если слова митр. Амвросия (Подобедова) о «необходимости, чтобы народ пребывал в мистическом состоянии, достигаемом непонятностью языка Библии» (см. выше), еще можно рассматривать как отговорку, относя их на счет неприятия высшими церковными иерархами личности обер-прокурора Яковлева, то позднейшие схожие суждения вполне определенно высказывались всвязи с делом русского перевода. В ряде анонимных статей, направленных в конце 50-х гг. против возобновления перевода, появлялись утверждения, что: «Чтение Свящ. Писания для спасения не столько требует разумения буквы, сколько приятия духа жизни»; «Простолюдины на славянском языке слышат только святое и назидательное. Умеренная темнота сего слова не омрачает истину, а служит ей как бы стихией. Отнимите это покрывало, тогда всякий будет толковать об истинах Писания по своим понятиям» (Цит. по: Чистович И. История перевода Библии... С. 300, 303).

³⁹ Правда, Киевский митр. Филарет (Амфитеатров) в одном из своих писем упоминает, что перевод Восьмикнижия сожгли по указанию митр. Серафима (См.: *Сергий (Василевский), архим. Высокопреосвященный Филарет в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров) и его время. Казань, 1888 (репринт М., 2000). Т. I. С. 400*). Однако известный характер отношений между адм. Шишковым и митр. Серафимом позволяет ставить вопрос и делать предположение о том, кто был истинным инициатором данных действий.

⁴⁰ Чистович И. История перевода Библии... С. 118.

К языковедческим изысканиям президента Академии наук уже современники относились как к достойным насмешки дилетантским увлечениям. Энергичные, несмотря на почтенный возраст, действия Шишкова по закрытию РБО и пресечению русского перевода снискали ему в общественных кругах, в том числе и церковных, разве что славу «самодура»⁴¹. Однако, когда с назначением на пост министра народного просвещения у адмирала появились возможности к широкому утверждению своих теорий в общественном сознании, главному идеологу «партии сторонников обратного хода» (выражение свт. Московского Филарета) удалось добиться того, что его взгляды на славянскую Библию и русский перевод вышли на уровень государственной религиозной политики, в значительной степени определив тридцатилетний запрет на всякую переводческую деятельность в этой области. Так, сложившееся сочетание частных амбиций, страха, консерватизма и некоторых «научных» воззрений сформировали официальное неприятие русского перевода Свящ. Писания в Российском государстве в последние годы царствования Александра I и на всем протяжении правления Николая I.

История с первым русским переводом Библии в высшей степени показательна и как характеризующая положение Церкви в Российской империи в это время. Она наглядно демонстрирует стагнацию воли, отсутствие собственной позиции Церкви даже по такому важнейшему для религиозного учительства вопросу как перевод Свящ. Писания на доступный язык. Действительно, начинание перевода принадлежит решению Государя, ему безропотно следует Св. Синод. Но как только из-за глубокого душевного кризиса Александра I в официальной позиции светской власти в отношении перевода наступает изменение под напором известных лиц, этому повороту на 180 градусов следует и церковная власть в лице ее номинального председателя. Все эти метания легко объясняемы с позиций политики и психологии, однако, за подобной конъюнктурой теряется важнейшее предназначение Церкви быть свидетельницей и носительницей Слова Божьего. Тем не менее, позицию, направленную на прекращение деятельности Библейского общества и остановку работ по русскому переводу, менее всего можно охарактеризовать как общецерковную. Определенно ее противником был свт. Филарет (Дроздов), принципиальный поборник русского перевода. Среди церковной иерархии он был далеко не одинок. В конечном итоге свт. Филарет с кругом своих единомышленников и подготовил почву к тому, чтобы начинание первой половины XIX века нашло свое логическое завершение в Синодальном переводе. Именно в данной широкой перспективе и нужно искать свидетельство собственного голоса Церкви в этом непростом, захватившем практически все столетие деле.

*Витковский В. Е.
(РГГУ, Москва)*

«АНТИЧНЫЕ» ЦИТАТЫ В НОВОМ ЗАВЕТЕ

Цитирование текстов классической греческой литературы в книгах Нового Завета никогда специально не изучалось, хотя уже Клименту Александрийскому и другим учителям древней Церкви было известно несколько случаев такого цитирования.

⁴¹ Корсунский И. Филарет, митрополит Московский... С. 56.